

Виктория Добрынина

Стихотворения

Добрынина Виктория Борисовна, родилась в Харькове в 1950 году. По образованию художник-педагог. Была художником-оформителем, руководителем детской изостудии, воспитателем в детском саду, социальным работником. Публиковалась в периодике России, Украины и в Интернете. Автор шести книг стихов и прозы, вышедших в Москве и Харькове. Член Союза писателей Украины. Лауреат Чичибабинской премии. Живет в Эрфурте (с 2007 г.).

* * *

Т. Шамрай

Кто нынче правит страшный пир –
Не разберет никто, и я.
И тех, Господь, кто водку пил
Вдогонку канувшим друзьям,
И тех, кто спрашивал: – Зачем?
За что? О Господи, прости.
Нет больше в мире вечных тем,
А ты успел друзей спасти.
И пусть ты плакал, как дитя,
Но Ты же видел наперед
Какие битвы налетят,
И все – на смерть, не на живот.
Они там помнят, что каштан
Летел к ногам наискосок.
И как дороже дальних стран
Был желтый высохший листок.
Что в их подвалы, чердаки
Тогда не закрывалась дверь.
Они тут были чудачки.
Они пропали бы теперь.

* * *

Я досмотрю этот фильм до конца,
Я добреду, черт возьми, до финала.

Этот сценарий рука мудреца
Или рука проходимца писала?
Что он задумал? Во имя чего?
Был он мыслитель с высоким челом?
Или мы все обманулись?
Фильм черно-белый без титров и без
Тени намека – Господь или бес
Судеб героев коснулись?
Есть оператор, и есть режиссер,
Что так талантливо снимете – вздор,
Фарс или все-таки драму?
Господи, что бы там ни было, но
Не убивайте героев в кино,
Ни в эпизодах, ни главных.
Дайте мне всех их увидеть в конце,
Не утирая слезы на лице,
Там и поставите точку,
Где меня светом таким ослепит!
Все мне Господь наконец объяснит,
Все досмотрю в одиночку...

* * *

Став окончательной старухой,
Еще не ведая о том,
Как бы вне зрения и слуха
Парит в пространстве золотом.
Святая ложь уже постыдна –
Настолько истина горька,
Настолько не жива, пустынна
Души иссохшая река.

Вот в этом-то, вот в этом дело,
В душе, в утрате глубины.
И все, что в ней – ушло, отпело,
В нас – ощущением вины.

Не только мудрого прозренья,
Не только чистого тепла,
Но даже холода презренья
Былого – нет, не сберегла.

Но пусть нам будет утешеньем:
Она не ведает о том.
Вне памяти, вне слуха, зренья
Парит в пространстве золотом.

* * *

Все та же промерзшая дурочка,
Все так же в дожде и слезах,
И наглая та же прищурочка
Киоска, промокшего в прах.

Размажь по щекам ожидание,
Минут громозди этажи,
Как в первое в жизни свидание,
По мокрому скверу кружи.

Пока к тебе будут опаздывать,
Ты будешь всерьез умирать,
Ты разом разучишься праздновать,
Научишься в даль упирать

Зрачки. В акварели размытые,
В текущий неон фонарей,
В трамваи, как масло, разлитые
По тусклой ноябрьской поре.
Все та же. Стыдобою жаркою
Ненужности рдеешь впотьмах.
И с той же заплаткою жалкою
Любви на изношенных днях.

* * *

Цена заплачена смешная:
Полжизни, в общем, полцены.
Простили все, кому должна я,
Во покидание страны.

Так провожают в путь последний,
Того, кто безнадежен был.

И разошлись. И дождик летний
Зной пригасил и пыль прибил.

Еще по случаю помянут,
Придешься к слову, так сказать.
И на клочок судьбы помятый
Таможня шлепает печать.

Как в путь последний. Без полушки.
Советуют не брать ни кружки,
Ни книжки даже, ни подушки,
Из разоренного гнезда...
Недаром снятся мне подружки,
Исчезнувшие навсегда.

* * *

За кого ты меня принимаешь,
Окружающий мир продувной?
Ты как будто меня примеряешь
То к лицу, то к повадке иной,
То к обочине прижимаешь,
Улюлюкаешь за спиной,
То как будто бы приручаешь,
Дорогой подкупаешь ценой.

А зачем я тебе, оголтелый,
Без толкового легкого тела,
С отлетающей глупой душой?
Впрочем, в том-то, конечно, и дело,

Что остаток ее небольшой
Угомону не знает и тлеет
Угольком. И белеет, белеет
Угольком над заплаткою шов,

Шовчик облачный по голубому,
Отдаленному неба клочку,
Никогда не смогу по-другому,
Покрути у виска дурачку.

Не заплатка – скорее, закладка
На истертой странице, в конце,
Той, что так перечитывать сладко,
До слезы на дурацком лице...

* * *

Спасибо тебе. Спасибо. Будь!

Единость Христа, сменяемость будд,
Кому говорить: «Спасибо!» ?
Сохрани его и спаси, Бог!

Пусть он будет, пусть читает и спит,
Детективы смотрит, чудак, пиит,
Смешной большой ребенок,
Отдал свое ребро мне.

Донор мой. Теперь только я могу
Заполнить зияние в нем.
И я сварливо его берегу,
Как своего ребенка, ночью и днем:

Будь! Только будь!

* * *

...И пенье средь многих помех...

А. Кушнер

И Пушкин вечный, вечно молодой,
В непостижимой легкости прозрений,
Летящий над домашнею Москвой,
Задумчивый над хмурою Невой,
Ну что тут скажешь? Гений, гений, гений...

И Бродский непостижной глубины,
Подробности его и то глубинны.
То удивительно в века погружены,
То внятны так, как говор голубиный.

И Кушнер, потрясающий умом,
Как тростью в гневе, все таки потом
Смиряется (что ж, годы, годы, годы!)
Банальным предпочтением природы.

А между ними, Господи, какие имена!
И век серебряный, и страшная война,
И то во тьме, что между ними было...
Что ж вопреки, что между всех помех
На сей земле и синь, и детский смех,
К тому ж еще таких поэтов подарило?